

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В ПРОЗЕ В. М. ГАРШИНА

А. И. Нестер

*Белорусский государственный университет, ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск,
Беларусь, annanoy91@gmail.com*

В статье рассматриваются характерные особенности средств выразительности в стихотворениях в прозе В. М. Гаршина «Она была милая девушка...» (1875), «Юноша спросил у святого мудреца Джифара...» (1884), «Когда он коснулся струн смычком...» (1884). Через анализ лингвостилистических средств в лирических прозаических миниатюрах автора, а также их обобщение и систематизацию на различных языковых уровнях демонстрируется формально-жанровая обусловленность содержательного и выразительного уровней художественного текста.

Ключевые слова: творчество В. М. Гаршина; стихотворение в прозе; лирическая прозаическая миниатюра; идиостиль; лингвостилистический анализ.

LINGUOSTYLISTICAL IMPORTANCE POEMS IN PROSE BY V. M. GARSHINA

A. I. Nester

*Belarusian State University, K. st. Marksa, 31, 220030, Minsk, Belarus,
annanoy91@gmail.com*

The article examines the characteristic features of the means of expression in prose poems by V. M. Garshin “She was a sweet girl...” (1875), “The young man asked the holy sage Jifar...” (1884), “When he touched the strings with a bow. ...” (1884). Through the analysis of linguistic-stylistic means in the author’s lyrical prose miniatures, as well as their generalization and systematization at various language levels, the formal-genre conditionality of the content and expressive levels of the literary text is demonstrated.

Key words: creativity of V. M. Garshin; prose poem; lyrical prose miniature; idiostyle; linguistic-stylistic analysis.

Анализ образных средств выразительности является ключевой составляющей лингвостилистического анализа в целом. Их подбор и концептуальная реализация в конкретном произведении – магистральный вектор исследования идиостиля автора. Через соотношение, противопоставление, построение логических связей в рядах тропов и стилистических фигур достигается качественно новый уровень перцепции.

В. М. Гаршин (1855 – 1888) в историю русской литературы вошел в первую очередь как прозаик. Его немногочисленное поэтическое наследие

по сей день практически не изучено, что и стало одной из предпосылок научного интереса к нему в данном исследовании. Мы рассмотрим три стихотворения в прозе автора в нескольких аспектах:

1. лингвостилистический (исследование выразительных средств языка позволит погрузиться в идейный мир творца, выделить и систематизировать характерные тропы, фигуры и приемы, отличающие индивидуальный поэтический язык В. М. Гаршина);

2. биографический (рассмотрение отдельных взаимосвязей жизни и творчества, поскольку прозаические и поэтические тексты не могут существовать абсолютно автономно от автора, в особенности это актуально для лирических произведений);

3. психологический (художественная литература для В. М. Гаршина носила во многом сублимативный, терапевтический характер, в чем мы убедимся в ходе анализа его поэзии, поэтому через тексты возможно проследить всю гамму чувств, переживаний и внутренних противоречий, мучивших автора).

Анализировать выбранные произведения будем в хронологическом порядке, ориентируясь на время их появления в печати.

Стихотворение в прозе, или лирическая прозаическая миниатюра, озаглавленная по первой строке «Она была милая девушка...», написано в 1875 году. Всеволоду Гаршину на тот момент около 20 лет, он только начинает пробовать свои силы в сочинительстве. Тем не менее, характерные для всего его творчества экзистенциальное трагическое мироощущение и поэтизация смерти в этом произведении уже ощущаются.

Каждая смысловая часть произведения (деление не в полной мере совпадает с абзацным) начинается единообразно, с синтаксически параллельных анафорических конструкций, преимущественно инверсированных («Она была милая девушка», «Его брат был славный юноша», «Она была хорошая мать», «Это был великий и несчастный народ», «И это был его камень» [2, с. 372 – 373]). В качестве характерной синтаксической черты можно также выделить полисиндетон: многократно повторяется соединительный союз «и» и противительный «но». Первый работает, скорее, на формальном уровне, визуально и фонетически «сглаживая» повествование, благодаря чему при прочтении ощущается притчевомедитативное воздействие (эффект усиливается и благодаря использованию личных местоимений вместо имен собственных). Второй же тесно связан с семантическим ядром миниатюры: роковое «но», трижды подкрепленное сказуемым «не верил», противопоставляет лирического героя окружающим его людям и не позволяет жить. Анализ формальных и содержательных аспектов, в сущности, всегда должен осуществляться синтетически: «Большой ошибкой является распространенное убеждение, что мысль и ее выражение можно изучать одно независимо от другого. <...>

Между тем, если отнять у мысли ту форму выражения, в которую эта мысль облакается, то вообще может получиться совсем нечто иное»

[4, с. 7].

Произведение выстроено градационно, при этом каждый новый уровень носит все более обобщенный характер. Так, девушка, характеризующаяся эпитетами «милая», «добрая», «хорошенькая», олицетворяет, безусловно, любовь, эрос; брат, «славный юноша с смелыми честными глазами и крепкими руками» – родственные и семейные связи; мать – архетип витального начала, но концептуально переосмысленный: вместо безотказной жертвенности, всепрощения и принятия – ожидание «лавровых венков» у ног; и, наконец, народ – в глобальном смысле символ всего человечества. Очерчен в произведении и мотив борьбы, вечного сражения, реализующийся через соответствующую лексику («ружье», «в бою за свободу», «ждала смерти или победы», «спасти от тьмы рабства», «вывести на путь свободы» [2, с. 372 – 373]).

Наиболее примечателен символический образ камня, сдавливающий лирическому герою грудь. Он «тяжелый и холодный», «заставляющий больного человека стонать от боли». Намеренная тавтология подчеркивает невыносимость этого испытания. В метафорическом смысле камень может быть расшифрован двояко – как душевная болезнь, приведшая к трагедии и самого Гаршина, и как «недуг человечества», невозможность разрешения социальных и нравственных противоречий.

На использовании антитезы построен и последний абзац. Могила безвременно ушедшего юноши среди цветущей степи: вечный покой и пышущая здоровьем, благоухающая жизнь природы. Искусные метафора («солнце обливало своим мягким сиянием всю степь и его могилу» [2, с. 373]) и олицетворение («степные травы качали над могилой своими цветущими головками» [2, с. 373]) контрастно соседствуют с просторечным «схоронили» и поистине жутким образом мертвеца («скелет с вечною и страшною улыбкою на костяном лице» [2, с. 373]). Натуралистическая метафорика затем будет неоднократно встречаться и у Гаршина-прозаика, однако именно в стихотворениях в прозе она достигает максимального уровня эмоционального воздействия на реципиента. Отметим и то, что эпитет «вечный» в тексте встречается неоднократно и всегда соотносится с чем-то отрицательным, негативным («вечное страдание», «вечное рабство», «вечная тьма» [2, с. 373]), усиливая чувство безвыходности сложившейся ситуации в рамках субъективной модальности лирического героя.

Лирическая прозаическая миниатюра «Юноша спросил у святого мудреца Джафара», датированная 1884 годом, на наш взгляд, наиболее философична и афористична. Буквально в трех предложениях заключен микрокосм автора, благодаря чему это стихотворение в прозе можно назвать квинтэссенцией мировоззрения и мироощущения Гаршина. Стоит обратить

внимание на соблюдение жанрового канона притчи и использование типичной синтаксической конструкции в начале произведения («Юноша спросил у святого мудреца Джафара: – Учитель, что такое жизнь?» [2, с. 373]). Ответ на заданный вопрос о сущности жизни в тексте реализуется на уровне имманентного противопоставления образов, в смысловом отношении приближаясь к понятию энтимемы. И вновь мир сквозь призму авторского восприятия оказывается бинарным, что ярко отражает противопоставление тропов: с одной стороны, «грязный рукав», «отвратительная язва, разъедающая руку», с другой – «благоухание роз». Нестандартное сочетание экспрессивного глагола «гремели» с существительным «соловьи», по нашему предположению, подчеркивает дисгармоничную, несовершенную прелесть вселенной. Концепция двоимирия найдет свое отражение чуть позже, в поэзии символистов, использование же экзотизмов в лексике, преимущественно относительно имен собственных («Джафар» (этот образ встречается также в «Восточной легенде» И. С. Тургенева), «хаджи», «Севилья») свидетельствует о тяготении автора к неоромантическим чертам и расширяет интертекстуальное пространство данного произведения.

Последняя лирическая миниатюра в прозе «Когда он коснулся струн смычком...» тоже была создана В.М. Гаршиным в 1884 году. Она, по нашему мнению, наиболее интересна в художественном отношении. Ослабленная сюжетность в тексте дополняется скрытыми подсказками, суггестией, интенцией и намеками. Рамочный сюжет – концерт, посвященный умирающему юноше. Центральный сюжет – реконструкция мгновений жизни больного в воображении повествователя. К умирающему приходит друг (возможно, им является и сам рассказчик, однозначной интерпретации в тексте нет), читает ему книгу вслух. Воспоминание-видение обрывается вместе со звуками виолончели и растворяется в «вопле удовлетворенной толпы».

Обрывочность, фрагментарность произведения закономерно отражается в его архитектонике. По утверждению И. Р. Гальперина, «логические и стилистические виды когезии в тексте, в особенности в поэтическом, лежат на поверхности» [1, с. 77]. В анализируемом тексте связи, скорее, имплицитные, реализуются в общности идеи и единстве достигаемого эффекта. Каждый абзац содержит от одного до трех небольших предложений, которые практически не связаны между собой на формальном уровне (отсутствуют многочисленные союзы и лексические повторы, синтаксический параллелизм), однако композиция подчеркнута закольцована («Когда он коснулся струн смычком» – «Виолончель смолкла» [2, с. 374]) – цикличность, повторяемость, библейская «суета сует», в которой в «бешеном плеске и воле удовлетворенной толпы» так легко раствориться и бесследно исчезнуть.

Несмотря на некоторую отвлеченность, изображенное в произведении представлено в реалистическом ключе. В качестве примера приведем ряд эпитетов и метафор, описывающих умирающего: «исхудалое лицо», «бледное лицо», «прекрасные глаза горят больным пламенем», «огонь покрывает его лицо». Звуки виолончели «страстны и печальны», мысль лирического героя «горькая и тяжелая» – эти определения созвучны ведущему эмоциональному тону произведения.

Иносказательно и образно в лирической миниатюре передана музыка. Ее чудодейственность реализуется через градационный ряд глаголов «вились – переплетались – росли – наполняли» (звуки виолончели). Живое искусство противопоставляется «замершей зале». Метонимический эпитет подчеркивает людскую черствость.

Основная мысль произведения достигает апогея в предпоследнем абзаце («Что он читает в нем [во взгляде]? Смерть или надежду?» [2, с. 374]). Противопоставление надежды (символа веры в лучшее, победы созидательных начал, вечной жизни) и смерти (апокалипсиса, забвения, тупиковости бытия) – лейтмотив всех трех миниатюр.

Автор не дает читателю однозначного ответа. «Мечту спугнули», и нить повествования оборвалась. Значит, противоборство продолжается.

Несмотря на прозаическую форму, лирические миниатюры Гаршина предельно эмпиричны: «В “стихотворениях в прозе” проблема соотношения личности и бытия, центральная в творчестве В. М. Гаршина, предстает перед читателем не столько в анализе различных жизненных коллизий, сколько в форме их субъективного авторского восприятия. Это ведет к возникновению в тексте повышенной экспрессии, лирической по своему характеру» [3]. Оригинальные зрительные и звуковые образы, лексическая пестрота, сравнительно постоянный набор разновидностей тропов и фигур, недосказанность и отсутствие морализаторства, абстрактность сюжета и противопоставление как центральный элемент образной структуры – все эти черты идиостиля обеспечивают стихотворениям в прозе Гаршина гармоничное сочетание формы и содержания через соединение философского универсализма с художественной индивидуальностью.

Библиографические ссылки

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
2. Гаршин В. М. Сочинения / [Вступ. статья и примеч. Г. А. Бялого]. М. : Гослитиздат, 1955.
3. Геймбух Е. Ю. В. М. Гаршин. «Стихотворения в прозе» // Русский язык в школе.

2005. №1. С. 63 –68.

4. *Томашевский Б. В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959.